

Иподиакон Николай Тон,
кандидат богословия,
преподаватель канонического права и церковной истории,
консультант по межцерковным отношениям Берлинской епархии РПЦ

Церковный порядок и сегодняшняя реальность: опыт диаспоры

Принцип Древней Церкви

Принцип Древней Церкви «один город – один епископ – одна Церковь», который предусматривал закрепление определенной церковной территории за одним конкретным правящим архиереем, сформировался в первые три века христианства и его можно найти уже в «Правилах святых апостолов», христианском сборнике, вероятно, сирийского происхождения, датированном ок. 375–380 гг.

В разработанной там модели церковной структуры четко говорится, что каждый епископ должен иметь свою, говоря современным языком, «каноническую территорию». Данная спецификация основана на 8 правиле III Вселенского (Эфесского) Собора (431 г.), которым епископу или митрополиту запрещалось посягать на территорию другого епископа, рукополагая или иным образом осуществляя власть на его территории. При этом отцы Собора ссылались на Апостольские правила, которые запрещали епископу рукополагать в городах или местах, не подчиненных ему согласно каноническому порядку¹.

В принципе, этот старый церковный порядок сохраняет свою силу на протяжении всех последующих веков первого и, в значительной степени, второго тысячелетия истории Православной Церкви: другой иерарх в том же городе или на той же территории существует (за редким исключением) только в том случае, если второй епископ не принадлежит (или уже не принадлежал!) к православной плероме, а к другой девиантной деноминации и отделился от Церкви, то есть считается еретиком или схизматиком.

8 канон I Вселенского (Никейского) Собора (325 г.) ясно гласит, что в одной Церкви должен быть только один епископ: «Если же некоторые

¹ 35-е Апостольское правило: «Да не дерзает епископ совершать рукоположения за границами своего округа, в городах и селениях, которые ему не подчинены. Если же он будет уличен в том, что сделал это без изволения управляющих теми городами или селениями, да будет извержен и он сам, и те, кого он рукоположил» (*Прим. ред.*).

присоединяются там, где есть епископ Кафолической Церкви, то ясно, что епископ Церкви будет иметь епископское достоинство, а именующийся епископом у так называемых чистых будет иметь пресвитерскую честь, если только епископу не будет угодно, чтобы тот участвовал в чести имени епископа. Если же ему это неудобно, пусть изыщет для него место или хореепископа, или пресвитера, чтобы по всему было видно, что он состоит в клире, но чтобы не было в городе двух епископов».

Самым ярким историческим примером зарождающегося существования инославных иерархий наряду с православной является то, что в результате богословских и догматических споров вокруг IV Вселенского (Халкидонского) Собора 451 года разделение нехалкидонских и халкидонских Поместных Церквей, особенно в Александрийском и Антиохийском Патриархатах, а также в Армянской церкви по вопросу учения о природах Спасителя привело к появлению самостоятельных и независимых коптской и сирийской церквей – хотя еще и не под этим именем. Но и эти нехалкидонские или даже антихалкидонские церковные структуры, считавшиеся халкидонской Православной Церковью монофизитскими, понимали себя (и понимают до сих пор!) не как двойная иерархия, а претендуют на законное продолжение соответствующих Патриархатов Александрии и Антиохии с теми же титулами и каноническими территориями, как и православные, потому что с их богословской точки зрения халкидониты потеряли свою легитимность, так как они в глазах монофизитов стали жертвой ложного учения, ереси. Таким образом, и здесь мы имеем дело не с отказом от основного экклезиологического принципа «один город – один епископ», а с последствиями церковного раскола V века, который, к сожалению, продолжается и по сей день.

Для Православной Церкви этот принцип, по сути, оставался актуальным вплоть до XIX века, тем более, что в церковном отношении мы имеем дело с точно определенными и в своих названиях четко описанными территориями, а именно в пентархии «старых» Патриархатов Константинополя, Александрии, Антиохии и Иерусалима, к которым лишь во втором тысячелетии были добавлены (временно!) автокефальные церкви на Балканах, а именно Охридская архиепископия, первоначально называвшаяся «архиепископией Юстиниана Прима и всей Болгарии (ἀρχιεπίσκοπὴ τῆς Πρώτης Ἰουστινιανῆς καὶ πάσης Βουλγαρίας)» с 1019 по 1767 год и Сербский Патриархат с 1346 по 1463 год и снова с 1557 по 1766 год и только в 1589/93 гг. – Патриархат «Московский и всея Руси и северных стран».

Примером такого точного территориального разграничения соответствующей канонической юрисдикции Патриархатов Древней Церкви может служить титул Патриарха Иерусалимского: «Патриарх святого града Иерусалима и всей Палестины, Сирии, Аравии, Перы за Иорданом, Ханаана в Галилее и Святого Сиона». Все православные, проживающие на этих точно установленных канонических территориях и ответственные за них иерархия и духовенство, естественно, принадлежали к соответствующим Автокефальным Церквям – независимо от их языка, культуры или «национальности» (если, конечно, мы можем использовать этот современный термин).

Особенно это касалось Константинополя, который смог реализовать свои претензии на глобальное лидерство в качестве «экуменического патриархата» (что лучше всего переводится как «вселенский» или «мировой патриархат») в значительной степени уже во времена Восточной Римской (т.н. «Византийской») империи, но особенно, как это ни парадоксально, в еще большей степени именно во времена «туркократии», то есть в Османской империи, поскольку Патриарх был утвержден султаном в качестве «этнарха», религиозного и политического лидера «римского народа (рум миллет)», то есть всех православных верующих в империи.

Хотя внутреннее положение Фанара² часто бывало неустойчивым, о чем свидетельствуют частые перемены на патриаршем престоле, при османах Константинополь в каком-то смысле достиг вершины своего могущества и добился того, что даже обладатели старых кафедр пентархии Александрии и Антиохии стали фактически лишь титулярными Патриархами. Возьмем для примера Александрию: в 1517 г. Египет стал одной из провинций Османской империи, Патриархи в это время часто жили в Константинополе и только посещали редко и временно свою кафедру, что также способствовало окончательному закреплению византийской литургии в богослужебной практике Александрийской Православной Церкви. Александрийский Патриархат де-факто утратил свою независимость и стал в финансовом и административном плане вполне зависим от Константинопольского Патриарха, который вместе со своим Синодом даже назначал Александрийских Патриархов, и духовенство Александрийской Церкви состояло теперь исключительно из греков.

Также в 1517 году произошло роковое для Антиохии событие: Дамаск был завоеван Османской империей, и Антиохийский Патриарх тоже фактически

² Резиденция Константинопольского Патриарха находится в Фанаре – греческом районе Стамбула (*Прим. ред.*).

перешел в подчинение Константинопольскому Патриарху. Однако в начале XVIII века в Антиохийской Православной Церкви, на волне все более усиливавшегося арабского националистического движения, возникло уже стремление к новой самостоятельности от Фанара, и в 1899 г., при активном участии российской дипломатии и Императорского православного палестинского общества, удалось добиться избрания на патриарший престол араба-сирийца, после чего греки были изгнаны из иерархии.

Это первый значительный пример того, как, начиная с XIX века, развивается новая набирающая силу тенденция в направлении образования параллельных иерархий – тенденция, которая имеет свои корни в национальном сознании многих народов, основывающаяся на идеях мыслителей эпохи Просвещения и Французской революции.

Влияние национального самосознания

Основными событиями здесь являются политические перемены, приведшие к снижению значимости «вселенского» Патриархата Константинополя в контексте национального возрождения XIX века в православной Юго-Восточной Европе под властью Османской империи.

Посредством реформ т.н. «Танзимата» с попытками модернизации и секуляризации империи, ориентированными на Запад, султаны отменили старую систему миллетов. Уравнивая и терпимо относясь ко всем религиозным общинам, они дали своим подданным религиозным общинам возможность участвовать в политической, социальной и религиозной жизни. В этом контексте религии и конфессии понимались как «корпорации» в рамках публичного права и жизни, то есть с правом на самоорганизацию. С этого момента они больше не ориентировались на навязанные сверху всеохватывающие системы.

Хотя эти реформы изначально преследовали цель централизации и преодоления националистических тенденций, в итоге они привели к обратному результату. Термин «миллет» остался в употреблении, но с радикально изменившимся значением. Если раньше он обозначал религию (православие, армянское христианство, иудаизм и т.д.), то после танзиматских реформ миллет означал «нация». Так, например, Константинопольский Патриархат и центрируемое им православие, имеющее до сих пор юрисдикцию от Египта до Трансильвании, были вынуждены защищаться от возникающей автономии различных этнически структурированных сообществ (миллетов греков, болгар, сербов, албанцев)

и постепенного образования Церквей и общин по этническому признаку. «Вселенский» Патриархат не смог противостоять сильной тенденции к образованию национальных Церквей. Наступил час национального возрождения, сочетающего в себе этническую идентичность с религиозной принадлежностью и неким секуляризмом. Лаицизм здесь означает участие мирян не только в управлении и представительстве Церкви на общественной сцене, но и участие и со-участие в нормативной сфере канонического и церковного публичного права. Более того, миряне стали движущей силой реформирования и «модернизации» Церкви в духе западных моделей, особенно протестантских.

Влияние таких концепций началось в XIX веке с обретением независимости Поместными Церквями в ходе образования национальных государств на Балканах: Греции (1833), Румынии (1865), Болгарии (1870), Сербии (1879) и несколько позже Албании (1929).

Патриарх Иерусалимский Антимос (1717–1808) уже предупреждал (в своем «Отеческом учении» 1798 года): «Новые (французские) идеи... хотели бы разделить нашу Церковь на национальные Церкви. Единая, Святая, Кафолическая (Соборная. – *Прим. ред.*) и Апостольская Церковь должна быть разделена на многие, где в центре будет стоять уже не Христос, а человек и нации»³.

Развитие Болгарской Церкви особенно примечательно в этом контексте. Спротивление греческим митрополитам в стране и назначаемым ими в подавляющем большинстве греческим священникам началось уже в начале XIX века: так называемая «болгарская церковная борьба» вспыхнула в результате болгарского освободительного движения (т.н. «Болгарского возрождения»), которое началось еще в XVIII веке, но победило в XIX веке. Так называемый «Болгарский экзархат» был учрежден в Османской империи в 1870 году на основании фирмана (указа) султана Абдулхамида II. Это позволило проводить церковные службы на церковнославянском и даже болгарском языках и занимать болгарам епископские кафедры, которыми ранее управляли почти исключительно греки. Если две трети православных жителей заявляли о своей поддержке болгарского экзархата, деревня переходила под юрисдикцию новой, независимой от Константинопольского Патриархата Болгарской Церкви.

³ Цит. по: *Stefanos Athanasiou, Autokephalie und Einheit – Die Ekklesiologie der Orthodoxen Kirche(n)* [Электронный ресурс] // Universität Freiburg. URL: https://www.unifr.ch/orthodoxia/de/assets/public/Lehre/HS2019%20-%20Ostkirchen-D/PPP_2_Ekklesiologie.pdf (дата обращения: 21.03.2025)

Однако уже в 1872 году Константинопольский Патриарх объявил Болгарскую Церковь раскольнической и осудил так называемый «этнофилетизм», под которым понималось: 1) ограничение верующими только из своей этнической группы с одновременным отделением их от православных другой национальности в том же регионе 2) назначение епископов и священников в местной Церкви только из собственной нации 3) распространение юрисдикционной власти Патриархата, архиепископии или митрополии только на один этнос 4) параллельное существование нескольких разных национальных епископов в одном и том же месте.

Однако уже в начале XIX века национальная идея отнюдь не была присуща только болгарам. Ст. 6 гл. 3 Конституции Греции от 18 мая 1827 года, например, гласит: «Гражданами Эллады являются: а) все коренные греки, верующие в Иисуса Христа; <...> в) родившиеся за границей от эллинского отца; г) уроженцы или иностранцы и их потомки, натурализованные до обнародования настоящей Конституции и родившиеся в иностранных государствах, которые приезжают в Грецию и приносят там присягу»⁴. Это можно понимать, как проистекающее из эллинистической идеи, хотя в то время в Греции также проживали многочисленные румыноязычные влахи и албанцы православного вероисповедания.

Миграция как причина возникновения параллельных юрисдикций

Во второй половине XIX века и далее в XX веке проблема, которая до этого времени ограничивалась определенными регионами, в частности, Балканскими странами, стала глобальной из-за разных волн миграции сначала в Северную Америку, а затем и в Западную Европу, вызванных экономическими и политическими кризисами в различных странах происхождения, тем более что духовенство часто мигрировало вместе с верующими для оказания им пастырской помощи.

С начала XIX века США привлекали греческих, а затем славянских мигрантов. Например, во время «большой волны» между 1891 и 1921 годами в США иммигрировали 400000 греков только из тогдашнего Королевства Греции и еще около 200000 из Малой Азии. В связи с этим число приходов, управляемых только греками, после 1891 года выросло с менее чем полудюжины до 141 в 1922 году. Ливанские и сирийские иммигранты начали массово переселяться в США в конце XIX – начале XX века. Подавляющее большинство иммигрантов из Ливана и Сирии были

⁴ Там же.

православными христианами. Многие жили в нью-йоркском районе «Маленькая Сирия» и в Бостоне, где основали свои собственные арабоязычные общины. Иммиграция русинов в США началась в конце 1870-х, и в 1880-х годах туда переселилось около 225000 карпато-русинских иммигрантов.

Многие из мигрантов, даже их большинство, быстро становились гражданами стран новой родины, вследствие чего параллельное сосуществование дифференцированных в зависимости от их национальной принадлежности и культуры приходов и епархий разных Автокефальных Церквей укоренилось к настоящему времени везде: в Америке и Западной Европе, даже в одном городе или регионе. Таким образом, проблема миграции и диаспоры становилась эклезиологической проблемой для всего православия.

Пример Германии

В качестве особенно яркого примера в Европе возьмем Германию, где сейчас (октябрь 2024 года), включая украинских беженцев с 2022 года, проживает, вероятно, около 4,5 миллионов православных христиан, что составляет около 5 % всего населения страны.

Большинство православных в Германии – иммигранты последних пятидесяти лет, а чаще всего даже всего тридцати лет, так что они живут там только в первом или втором поколении. Они распределены по одиннадцати каноническим епархиям соответствующих Автокефальных Церквей. В этом контексте, безусловно, важно и то, что, хотя на многих приходах есть и коренные этнические местные немцы, которые нашли путь в православие и приняли его (иногда через своих супругов, но нередко и в результате собственного религиозного развития), в Германии существуют всего пять небольших официально немецкоязычных православных приходов, и каждый из них насчитывает едва ли более 100 верующих.

В целом в настоящее время в Германии насчитывается ровно 540 православных приходов. Епархия с наибольшим числом приходов – Румынская митрополия Германии, Центральной и Северной Европы, основанная в 1993 году, насчитывает 170 приходов. После того как 1 января 2025 года Румыния была принята в Шенгенскую зону со свободой передвижения, их число, скорее всего, еще увеличится.

Еще больше приходов, а именно 190, принадлежит Русской Православной Церкви, но распределены они по трем епархиям: Берлинской и Германской

епархии Московского Патриархата со 105 приходами (из них 2 немецкоязычных и один молдавскоязычный), затем Русской Православной Церкви Заграницей с 77 приходами и Архиепископии православных приходов русской традиции в Западной Европе – 8 приходов.

Греческая православная митрополия Германии Вселенского Патриархата находится, так сказать, «посередине»: 65 приходов, из которых 7 румыноязычных и 2 немецкоязычных. Число приходов в большинстве других православных епархий Германии значительно меньше, а именно: в Украинской православной епархии Западной Европы (под Константинополем) – 30 (хотя в последнее время в условиях войны на родине она значительно выросла), в Антиохийской православной митрополии – 28 и в Сербской православной епархии Дюссельдорфа и Германии – 27 приходов. 14 приходов в Германии принадлежат Македонской Православной Церкви / Охридской Архиепископии в ее Европейской епархии, 11 – Болгарской епархии Западной и Центральной Европы и 5 – Грузинской православной епархии Германии и Австрии. Около 30 приходов принадлежат Украинской Православной Церкви под управлением митрополита Онуфрия. Однако точные сведения пока отсутствуют.

Можно заметить, что православные приходы в подавляющем большинстве епархий, особенно тех с многими приходами, сегодня распределены по всей Германии достаточно равномерно, конечно, с явным акцентом на крупные города, как Гамбург, Дюссельдорф, Штутгарт и другие. Наиболее сильная концентрация православных приходов различных Автокефальных Церквей наблюдается в столице Берлине и в Мюнхене. Однако в небольших, и даже в небольших городах и селах также есть сейчас румынские или русские общины, по крайней мере, в их окрестностях.

Подавляющее большинство из православных общин по существу однородны в этническом отношении, хотя следует подчеркнуть, что особенно русские приходы в этом отношении являются явным исключением, поскольку они мирно объединяют иммигрантов, верующих и духовенство со всех частей бывшего Советского Союза и всей канонической территории Московского Патриархата, то есть этнических русских, украинцев, белорусов, молдаван, российских и казахстанских немцев, евреев и других.

Общее православное свидетельство?

Таким образом, принцип Древней Церкви – один епископ в одном городе – был по факту полностью разрушен в процессе миграции и заменен множеством параллельных юрисдикций. Как же эти параллельные епархии и приходы организуют свое общее православное свидетельство и сотрудничество, в осознании, что все Автокефальные Поместные Православные Церкви по всему миру вместе составляют «Единую Святую Кафолическую и Апостольскую Церковь», которую мы исповедуем в Символе веры, и что все они вместе со всеми другими православными братьями и сестрами по вере принадлежат к единому всемирному православию?

Различные православные конференции, прежде всего IV Предсоборная Всеправославная конференция в Шамбези 2009 года, искали возможные решения. Вопрос снова был поднят на «Святом и Великом Соборе Православной Церкви» на Крите в 2016 году, который, однако, к сожалению, в реальности уже был общеправославным собранием только по названию, поскольку четыре автокефальные церкви (Антиохийская, Московская, Грузинская и Болгарская), которые вместе составляют подавляющее большинство всех православных христиан мира и все имеют епархии и приходы по всему миру, не принимали в нем участия.

На Критском Соборе было «констатировано, что общей волей всех Святейших Православных Церквей является, по возможности, скорейшее решение проблемы диаспоры и ее устройства согласно православной экклесиологии, канонической традиции и практике Православной Церкви»⁵. Это, конечно, похвальное начинание, соответствующее древней церковной традиции «один город – один епископ – одна Церковь», но сам Собор уже был вынужден признать, «что на современном этапе невозможен по историческим и пастырским причинам немедленный переход к строго каноническому порядку Церкви, предусматривающему пребывание только одного епископа в одном месте. Поэтому принимается решение сохранить Епископские Собрания <...> до более подходящего времени, когда созреют условия для применения канонической акривии (неукоснительное и бескомпромиссное следование букве канона (гр. ἀκρίβεια – *строгость, точность*). – Прим. ред.)»⁶.

Уже вскоре после Крита профессор богословского факультета Белградского университета Раде Кисич заявил: «За созданием епископских конференций

⁵ Православная Диаспора [Электронный ресурс] // Официальные документы Критского Собора 2016 г. Портал «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/pravoslavnaja-diaspora/> (дата обращения: 21.03.2025).

⁶ Там же.

в будущем должно последовать провозглашение автономии или автокефалии новых Православных Церквей. Однако на этом пути всем Православным Церквям придется серьезно разобраться со своей национальной и церковной идентичностью. Окончательное решение вопроса диаспоры может быть найдено только тогда, когда национальная идентичность отступит в пользу единой православной церковной идентичности»⁷.

Схожим образом архиепископ Кипрский Хризостом II объясняет (в циркулярном письме от 5 мая 2011 года): «Если сегодня существуют проблемы между Поместными Православными Церквями, то они существуют потому, что есть много тех, кто сначала подчеркивает свою национальную идентичность, а затем христианскую идентичность в Церкви. Это означает, что нельзя противопоставлять национальную идентичность христианской или христианскую идентичность национальной. На мой взгляд, национальная идентичность должна динамично двигаться в направлении истинной вселенской христианской идентичности. Только так национальная идентичность может быть очищена. И когда я говорю „очищение“, я имею в виду, что национальная идентичность должна освободиться от своего эгоизма, связанного с единоличным превосходством над другими национальными идентичностями»⁸.

Вызовы и обременения

Однако в последние два года возникли значительные трудности, вызванные прежде всего претензиями Константинопольского Патриархата на первенство «*sine paribus*» (без равных), которые выразились, например, в одностороннем провозглашении Фанаром автокефалии, объединившей две раскольнические группы в Украине, ранее повсеместно признававшиеся раскольническими. Претензии такого рода звучат всё чаще и чаще.

Это имело катастрофические последствия не только для церковной ситуации в самой Украине и не только для нынешнего парализующего противостояния в мировом Православии, но и на местных уровнях в диаспоре. Руководящая роль, на которую претендует Фанар и которая проявляется, например, в назначении председателей епископских

⁷ Цит. по: *Stefanos Athanasiou*, *Autokephalie und Einheit – Die Ekklesiologie der Orthodoxen Kirche(n)* [Электронный ресурс] // Universität Freiburg. URL: https://www.unifr.ch/orthodoxia/de/assets/public/Lehre/HS2019%20-%20Ostkirchen-D/PPP_2_Ekklesiologie.pdf (дата обращения: 21.03.2025).

⁸ Там же.

конференций по всему миру, крайне негативно сказывается на православном сотрудничестве во многих странах.

Отмена этого неопапизма Константинополю должна стать необходимой предпосылкой для дальнейшего расширения сотрудничества всех православных, потому что в конечном итоге это возможно только в духе истинной соборности, в любви и понимании друг друга.

Мы получили в наследие истории, особенно последних двух столетий, сосуществование параллельных, в целом национально ориентированных церковных структур. Оно может быть плодотворным и благотворным только через все более интенсивное сотрудничество в подлинно соборном духе, то есть через подлинное всеправославное единство на основе равных прав всех епархий, каждая из которых идет своим путем в любящем союзе с другими и во взаимном уважении.

Прежде всего, этого требует пастырская забота о духовном и эмоциональном состоянии верующих. И с этой точки зрения, тесное формирование национальной или культурной идентичности с религиозной православной – особенно в условиях диаспоры – так же имеет позитивные и укрепляющие веру факторы. Глава крупнейшей на сегодняшний день православной епархии Германии, румынский митрополит Серафим (Жоантэ), анализируя сложившуюся ситуацию, говорит об этом с позиций своего опыта и пастырского служения: «Самая большая трудность в решении проблемы диаспоры в соответствии с канонами заключается в естественной реальности, а именно: верующие каждой юрисдикции сентиментально и культурно привязаны к своим родным церквям, которые, однако, имеют разные литургии и традиции. Когда мы видим хрупкость веры большинства верующих и их привязанность к материнской Церкви, невозможно, чтобы епископ или священник пастырствовал, если он не разделяет во всем язык и культуру, в которой они выросли»⁹.

Вывод

Многовековое развитие с многочисленными историческими факторами – прежде всего, национального самосознания и миграций XIX и XX веков – привело к тому, что сегодня мы находим параллельные православные

⁹ *Metropolit Serafim, Die orthodoxe Diaspora – Die Autonomie und der Modus ihrer Proklamation*, in: Henkel, *Die Orthodoxie zwischen Tradition und Moderne*, Bibliotheca theologica germano-romana (BTGR), Hermannstadt / Bonn, 69.

структуры по всему миру. Хотя это противоречит идеалу Древней Церкви «один епископ для одного города», это не следует преждевременно осуждать, поскольку сильная привязанность верующих к их родной религиозной культуре и их родным Матерям-Церквям в значительной степени способствует ясному укреплению православной идентичности и живой веры в приходах – конечно, не только, но, вероятно, особенно в том рассеянии. При этом число православных иммигрантов из различных автокефальных Поместных Церквей почти во всех странах Центральной и Западной Европы продолжает расти.

Насильственные изменения и принудительные меры «сверху», особенно со стороны государства, а также от церковных лиц и структур, которые стали бы заявлять претензии на власть, могут иметь только разрушительный эффект. Только тогда, когда все действительно придут к общему самосознанию связи во едином транснациональном и полиэтническом православии, объединяющем все народы, можно говорить и об объединении, и об организационных формах. До этого момента предстоит пройти еще долгий путь, возможно, даже десятилетия, с пастырской мудростью и взаимным вниманием и уважением.